

УДК 82.091
ББК 83.3(2)

В.В. Рецов

**ИВАН АЯНОВ В РОЛИ
«НЕСРАВНЕННОГО
ЛЕПОРЕЛЛО»
(К ВОПРОСУ О ТЕМЕ ДОН
ЖУАНА В РОМАНЕ
И.А. ГОНЧАРОВА
«ОБРЫВ»)**

На основе анализа первых журнальных публикаций «Софья Николаевна Беловодова» (1860), «Портрет» (1861) и рукописных редакций романа «Обрыв» И.А. Гончарова прослежено развитие образа И.И. Аянова, связанного с формированием в итоговом романе писателя темы Дон Жуана. В результате проведенного исследования было выяснено, что донжуанская тема в романе претерпела определенные трансформации: от практически пунктирного упоминания в журнальных публикациях, через постепенное вкрапление в главах рукописных редакций первой части романа, до превращения ее в одну из ведущих тем в романе «Обрыв».

Ключевые слова: история создания романа «Обрыв», донжуанская тема, образ И.И. Аянова.

Рецов Василий Вячеславович – аспирант заочной формы обучения кафедры отечественной литературы Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-918-58-28-620
E-mail: goustking@yandex.ru

© Рецов В.В., 2015.

Создавая роман «о страстях», И.А. Гончаров писал о том, что его авторское внимание принадлежит «неизбежным отношениям обоих полов между собой» [Гончаров, 1980, т. 6, с. 453]. Важные аспекты этих отношений, воплощенные в ключевом для европейской культуры образе Дон Жуана, были вновь актуализированы романтиками, в том числе русскими. В русской традиции наиболее ярким явился образ, созданный Пушкиным. Дон Гуана отличает не только особая личностная и эротическая, но и творческая энергия: «...У вас воображенье / В минуту дорисует остальное...» [Пушкин, с.19]. В силу стремления Гончарова к созданию типических образов он не мог обойти вниманием этого героя.

Образнеистового сладострастника появляется в последнем романе Гончарова уже в первой главе, когда Аянов говорит Райскому: «Ты просто – Дон Жуан!» [Гончаров, 1979, т. 5, с. 13]. Исследователи творчества Гончарова [Краснощекова, с. 383; Недзведский, с. 57; Мельник, 1985, с. 68; Молнар, с.376; Жан Бло, с.244 и др.] не раз обращались к трактовке писателем образа Дон Жуана и темы «донжуанства». В их работах роман «Обрыв» неизменно был в центре внимания, поскольку Борис Райский предстает в произведении «артистическим» Дон Жуаном.

Обратимся, однако, к тому герою романа, который первым отмечает в Райском свойства Дон Жуана. Образ И.И. Аянова рассматривался в науке о Гончарове в основном как образец авторской типизации [Мельник, 2012, с. 247;

Молнар, с. 402] или как пример создания автором «парадоксального и комического эффекта» [Гуськов, с. 297]. Но вследствие неочевидности мотивной взаимосвязи между Райским и его петербургским приятелем, Иван Аянов еще не упоминался в работах исследователей в контексте формирования донжуанской темы в романе «Обрыв».

Отметим, что эта тема в итоговом романе писателя не была новой для Гончарова. Сравнивая героя раннего очерка «Иван Савич Поджабрин» с героем последнего романа, М.В. Отрадин писал: «...В Райском и Поджабрине есть нечто общее: *донжуанство*» [Отрадин, с. 20]. Тот же исследователь утверждает: «Донжуанство – сквозная тема творчества Гончарова» [Там же].

Этим замечаниям предшествует озвученное еще в 1856 г. наблюдение А.В. Дружинина по поводу системы персонажей в очерке. Критик писал: «Что касается Поджабрин – этого петербургского Ловеласа <...> этот *комический сластолюбец* – очерчен великолепно г-ном Гончаровым. <...> Но кроме Ивана Саввича и его *несравненного Лепорелло* в рассказе г-на Гончарова есть много и других лиц, очерченных ловко и бойко... (Здесь и далее курсив наш. – В.Р.)»¹.

Критик отсылает здесь к неразлучной паре, актуализированной и сюжетом о Дон Жуане: хозяин и слуга. В творчестве Гончарова нередко эти отношения, определяющие свойства двух типологических персонажей. Однако присущая сюжету и образной системе предыдущих его произведений пара героев в романе «Обрыв» обретает иную, усложненную форму. Райский одинок, но, тем не менее, у него есть несколько условных «двойников». Таковым является Марк Волохов, что уже отмечалось исследователями [Краснощекова, с. 416; Старосельская, с. 56; и др.]. Но не менее содержательны отношения Райского и его петербургского приятеля Ивана Аянова. Образные и сюжетные взаимосвязи этих героев соотносимы с теми оценочными аспектами, которыми преисполнены отношения Дон Жуана и его слуги. Особенно выразительны они в пьесе Пушкина «Каменный гость», где именно Лепорелло не раз то в шутку, то всерьез и даже с испугом говорит Дон Гуану о нарушении им законов, влекущем главного героя к гибели. Пушкинский Лепорелло – шутник, который, в отличие от Дон Гуана, всегда видит, над чем можно и даже нужно шутить и над чем шутить непозволительно.

Иван Иванович Аянов является действующим лицом романа «Эпизоды из жизни Райского» с первых журнальных публикаций «Софьи Николаевны Беловодовой» (1860) и «Портрета» (1861), соотносимых по содержанию с первой, «петербургской» частью «Обрыва»². Заметим, что в ней уже содержатся основные тематические аспекты произведения, связанные с образом Райского: мечта героя о создании романа и его стремление пробудить жизнь в женщине. И Иван Иванович Аянов активно участвует в каждом из них.

Действие первой части романа начинается его фразой: «Не пора ли одеваться: четверть пятого! – сказал Аянов. – Да, пора, – отвечал Райский...» [Гончаров, 1979, т. 5, с. 10]. Однако Аянов не является слугой, да

и дружба между ним и Райским это, скорее, приятельство, основанное на общем деле, которым является «пробуждение» Софьи Беловодовой.

Закономерен вопрос: почему Аянов оказывается парой Райскому? Несхожесть персонажей очевидна, а об их взаимоотношениях в романе не рассказано, хотя приведена глава о юности Райского в Петербурге. Отметим, что в рукописи первой редакции главы первой части первой Гончаров намеревался объяснить приятельство участников сюжета. После реплики: «Не пора ли одеваться?...» – следовало авторское замечание: «Аянов сошелся с Райским случайно: Райский, по выходе из военной службы, поступил в тот же департамент, где был Аянов, и служил, то есть сидел, у него в столе» [Гончаров, 2008, т. 8, кн. 1, с. 121]³. В вариантах этой же редакции со знаком вставки на полях более подробно: «Аянов и Райский <сошлись где-то в свете> давно знакомы случайно и привыкли друг к другу также случайно: может быть отчасти еще и потому, что не похожи были друг на друга и каждый заинтересовался в другом тем, чего не было в себе. Это случается. Впрочем, они вовсе не были друзьями, а только короткими знакомыми... <...> Разговор у них почти всегда был спорный, чему виноват больше был Райский – в котором уживались невероятные крайности и противоречия...» (т. 8, кн. 2, с. 25).

Все эти дополнения оказались за пределами конечной версии романа, и остается неизвестно, как состоялось знакомство и как сложилось приятельство героев. Это не прояснено и в обширной биографии Аянова.

Результатом сокращений стало следующее: в романе «Обрыв» внимание читателя сосредоточено на основной сюжетной функции персонажа. Она присутствует и в журнальной публикации очерка «Софья Николаевна Беловодова», и в окончательном тексте. На первый взгляд, роль Аянова «проходная»: «Он <Райский> познакомился с ней <Софьей> и потом познакомил с домом ее бывшего своего сослуживца Аянова, чтобы два раза в неделю делать партию теткам, а сам, пользуясь этим скудным средством, сближался сколько возможно с кухней...» [Гончаров, 1979, т. 5, с. 24]. Но, на самом деле, в этом эпизоде Аянову фактически отводится роль Лепорелло, отвлекающего «публику», в то время как Дон Жуан-Райский стремится обольстить или, как в романе, «пробудить», «раскрыть» красавицу⁴. Такое амплуа главного героя позволяет рассматривать и образ Аянова в контексте творческой интерпретации Гончаровым традиционного сюжета о Дон Жуане.

При этом образ Дон Жуана не упоминается на страницах первых журнальных публикаций романа, несмотря на ряд мотивных переключек повествования с классическим сюжетом о «севильском обольстителе». В очерке «Софья Николаевна Беловодова» (1860) отсутствуют первая и пятая главы, которые есть в первой части окончательной версии романа, содержащие диалоги Райского и Аянова, где идет речь о Дон Жуане и, впервые, – о желании Райского написать роман.

При недостаточной отчетливости образа Аянова здесь, тем не менее, оговаривается его вышеупомянутая «отвлекающая» роль: «...Два раза в неделю делать партию теткам...» (т. 8, кн. 1, с. 17). Герою принад-

лежат только несколько реплик по ходу игры в карты. Отсутствует и его ироничное замечание в адрес Пахотина: «Этот тоже – Дон Жуан?» [Гончаров, 1979, т. 5, с. 25], нет и пространных рассуждений Райского о свойствах и признаках «истинного Дон Жуана».

По ходу сюжета и главный герой, и автор забывают об Аянове. Третья глава журнального очерка заканчивается отточием с предшествующими ему словами автора: «...Так думал в сотый раз Райский, уходя домой и рассчитывая, когда увидится опять с ней...» (т. 8, кн. 1, с. 33). О том же, что произошло с Аяновым, неизвестно до самого окончания повествования.

В этом варианте Райский более *артист*, нежели *Дон Жуан*. В финале эпизода, в котором Софья поведала ему историю с Ельниным, герой восклицает: «Извлеките же пример для себя и поступите иначе с вашей дочерью, когда у вас будут дети... – Отдать ее за учителя? – сказала она. – Почему ж не отдать? – спросил он» (т. 8, кн. 1, с. 43). После этого видим замечание, которое будет выпущено позже: «Дон Кихот!» – подумал про себя Райский, глядя на нее, но говорил, говорил все в том же тоне, с которого начал, и не мог выскочить из роли, которою задался невзначай» (т. 8, кн. 1, с. 43). Взглянув на себя со стороны, Райский обнаруживает в себе наигранность «донкихотских» качеств, так же как и призывов к «новой правде», но упивается этой своей новой ролью.

Столь же неотчётлив образ Аянова в очерке «Портрет» (1861). Как и в главе семнадцатой части первой окончательной редакции, герой появляется неожиданно: «Он услышал сзади себя шаги и с живостью обернулся: пришел Аянов. – Иван Иваныч! – торжественно сказал Райский, – как я рад, что ты пришел!» (т. 8, кн. 1, с. 92). Но так же неожиданно и исчезает из сюжета. Ответив Аянову на его вопросы о Кириллове, этом «мученике от искусства», Райский начинает с энтузиазмом рисовать молящуюся фигуру, потом оставляет это занятие, вновь возвращается к портрету и, бережно упаковав, собирается везти его к Софье. Аянов же более не упомянут, и не для того ли он был нужен, чтобы поддержать беседу Райского с самим собой?

Подлинную кровь и плоть образ Аянова начинает обретать только в рукописях первой и пятой глав первой части. Его реплики здесь уже не просто вторят монологам Райского, в них начинает проступать характер, постепенно появляется насмешливый тон. Однако и в этих главах упоминания о Дон Жуане, позволяющие соотносить пары «Дон Жуан – Лепорелло» и «Райский – Аянов», появятся позже.

В рукописи первой редакции главы первой части первой на месте прямой характеристики: «Ты просто – Дон Жуан!» [Гончаров, 1979, т. 5, с. 13], – читаем расплывчатые и уклончивые замечания Аянова: «Право, Борис Палыч, если б я не знал тебя короче, я бы подумал, что ты... – Пустой человек! говори, не робей! – сказал Райский. – Конечно...» (т. 8, кн. 1, с. 123).

В рукописи второй редакции главы первой части первой диалог героев о Дон Жуане отсутствует, но появляется упоминание Аянова о со-

служивце Иване Петровиче, который «ни одной чиновнице, ни одной горничной проходу не дает...» (т. 8, кн. 1, с. 136). Здесь Аянов более строг и практичен и помимо советов «жениться», высказанных им и в первой редакции, поучает и отчитывает Райского: «Полно: страсти мешают жить: труд – вот лекарство от пустоты – дело» [Там же, с. 137]; «у тебя беспокойная натура <...> не было строгой руки и тяжелой школы – вот ты и куролесишь...» [Там же, с. 140].

В первоначальной редакции главы пятой части первой также нет упоминания о Дон Жуане. Позже оно появится в правке восклицания Аянова: «Она тебя Чацким назвала. Ты <был> и коммунистом, и *Дон Кихотом* и *Ловеласом*...» [Там же, с.141] – и в окончательном варианте: «А ты был и *Дон-Жуан* и *Дон-Кихот* вместе» [Гончаров, 1979, т. 5, с. 40]. Характерно и отношение Аянова к роману, задуманному главным героем. Рассмеявшись по поводу «серьезной мысли» Райского, Аянов произносит фразу: «А вправду: пиши, тебе больше нечего делать, как *играть романы, да записывать*» (т. 8, кн. 1, с. 141) (Курсив наш. – В.Р.). Она близка к окончательному варианту: «А вправду: пиши, тебе больше нечего делать, как писать романы... [Гончаров, 1979, т. 5, с. 40]», но более точна, так как приоткрывает суть «творческого метода» Райского. Совет же его визави: «...Не делать романов, если хочешь писать их» – присутствует в обеих редакциях.

В представленных эпизодах Аянов не столько услужливый напарник, сколько антагонист героя, иногда даже судья. Но функция его по-прежнему вспомогательная, и Аянов пока не «вжился» в роль Лепорелло. Связано это с тем, что Райский в первоначальных рукописях, прежде всего, художник и актер, также еще не определившийся в роли соблазнителя. В окончательном тексте романа образ Аянова смягчается, и во многом за счет личностной иронии.

Апогеем остроумия Аянова является его письмо, появляющееся в финале романа. Черновые редакции этого письма отсутствуют в публикации рукописей писателя. Относящееся к четвертой части романа, оно, по-видимому, было написано на заключительном этапе работы автора над текстом произведения за границей в мае – сентябре 1868 г.⁵

В своем письме Аянов иронизирует над намерением Райского ехать писать роман на Волгу в «дремлющую, блаженную тишь». Он пишет: «Что сделалось с тобой, любезный Борис Павлович?...в какую всероссийскую щель заполз ты от нашего мокрого, но вечно юного Петербурга». Вызывают его насмешку и пространные письма приятеля: «Забрасывал сначала своими повестями, то есть письмами, а тут вдруг и пропал, так что я не знаю, не переехал ли ты из своей трущобы – Малиновки, в какую-нибудь трущобу – Смородиновку...» [Гончаров, 1980, т. 6, с. 214].

Сам эпизод с чтением письма напоминает уже знакомые читателю диалоги героев. Фрагментирование его, комментарии Райского по содержанию письма: «– Вот животное, только о себе!», – и даже ремарки Аянова относительно такого прочтения: «...Вижу, что ты морщишься»;

«Внемли, бледней и трепещи!», «...Бери спирт и нюхай!» – все это создает комический эффект, присутствующий в диалогах героев в первой части.

Но сам тон письма говорит о том, что Аянов *нарочито* подробен в длинном перечне светских новостей петербургской жизни и нарочно испытывает терпение Райского: «Тебе скучно, вижу, что ты морщишься – спрашиваешь – что Софья Николаевна (начал живет читать Райский): сейчас, сейчас, я берег вести о ней pour la bonne bouche (на закуску)...» [Гончаров, 1980, т. 6, с. 215].

В пересказе истории Софьи Аянов предстает окончательно вжившимся в роль Лепорелло: «Играя с тетками, я служил, говорю, твоему делу, то есть пробуждению страсти в твоей мраморной кухне, с тою только разницею, что без тебя это дело пошло было впрок. Итальянец, граф Милари, должно быть служит по этой же части, то есть развивает страсти в женщинах, и едва ли не успешнее тебя» [Там же]. И отсутствие Райского не нарушает принятую Аяновым модель поведения: «А я все служил да служил делу, не забывая дружеской обязанности, и все ездил играть к теткам. Даже сблизился с Милари и стал условливаться с ним, как, бывало, с тобой, приходиться в одни часы, чтоб обоим было удобнее...» [Там же, с. 216].

Иван Иванович подробно описывает историю об «un faux pas» Софьи Беловодовой, приводя и салонные слухи, и непосредственное содержание записки Софьи Николаевны к Милари (которое узнает через Пахотина), и даже собственные варианты описания их встреч. Эти подробности не случайны, ведь он не просто передает сплетни и исполняет «дружескую обязанность», а «помогает» Райскому создавать роман: «... то первое и последнее мое письмо, или, пожалуй, глава из будущего твоего романа» [Там же, с. 221].

Характерно, что Аянов отмечает изменения, произошедшие с Софьей, подчеркивая роль, которую в них сыграл Дон-Жуан-Райский и он сам, «приятель, готовый служить», вечный – «несравненный Лепорелло». Он пишет: «И твоя Софья страдает теперь вдвойне: и оттого, что оскорблена внутренне <...> и, может быть, также немного и от того *чувства*, которое ты старался *пробудить* – и успел, а я, по дружбе к тебе, *поддержал* в ней...» (Курсив наш. – В.Р.) [Там же, с. 220].

***

При анализе образа Аянова и его роли в формировании темы Дон Жуана в романе «Обрыв» заметен большой временной разрыв между первыми публикациями и набросками и окончанием романа. Это неоднократно отмечалось самим автором, который писал А.А. Музалевской в 1868 г.: «Начало залежалось и теперь старо, а вновь написанное надо много отделять – и я махнул рукой и бросил» [Гончаров..., 2013, с. 297]. О том же – в письме С.А. Никитенко осенью того же года: «Я читал первую часть и мне самому страшно, как это все старо, длинно, скучно» [Там же, с. 298]. Этот факт не мог не отразиться на образе И.И. Аянова, основное действие которого относится к первой части, а са-

мое яркое проявление – к четвертой. Как было отмечено выше, только в письме Райскому Аянов вполне вживается в роль Лепорелло. В то же время постепенно формировавшаяся тема определила закономерность появления этого письма. В нем не только завершение истории Беловой, но ее финал в ключе уже сложившейся в романе «донжуанской темы». Дальнейшее развитие этой темы объясняет интригу событий в Малиновке, где Райский постоянно пребывает в состоянии метаморфоз, представляя то любовником, то художником, и стремится к синтезу этих состояний.

В процессе объединения Гончаровым «залежалого начала» с завершающими главами «донжуанская тема» становится более отчетлива и в первой части романа. Так, Гончаров вводит в диалоги героев прямую характеристику Аяновым Райского как Дон Жуана, пространное объяснение главного героя о «донжуанизме и донкихотстве», о том, чего не хватило «Байронскому Дон Жуану», о принципах эстетического наслаждения красотой и проч. Появляется в романе и целая галерея «ложных», комичных Дон Жуанов: Иван Петрович, Пахотин, Егорка (в «малиновской части»). А Иван Аянов из проходной персоны, какой он был в журнальных публикациях, превращается в благодушного приятеля, «готового служить» и наделенного весьма своеобразным чувством юмора.

Примечания

¹ См.: Примечания к очерку «Иван Савич Поджабрин», составленные Балакиным А. Ю., Гродецкой А. Г., Тунимановым В. А. [Гончаров, 1997, т. 1., с. 663].

² Журнальные публикации «Софья Николаевна Беловодова: (Пять глав из романа «Эпизоды из жизни Райского») // Современник. 1860. № 2» и «Портрет: (Из романа «Эпизоды из жизни Райского») // Отечественные записки – 1861. – № 2» в статье цитируются по изданию: *Гончаров И.А.* Полн. собр. соч. и писем: в 20 т., т. 8, кн. 1. Обрыв. Рукописные редакции. СПб., 2008.

³ Далее том и страница этого издания обозначаются арабскими цифрами в круглых скобках.

⁴ Мотив «отвлечения» слугой публики активно используется и у Моцарта: «Сегодня одна Церлина владеет его <Дон Жуана> мыслями. Вот только как избавиться от Мазетто, не спускающего с невесты глаз? Как всегда, поможет Лепорелло. Пока верный слуга почти силой заставляя Мазетто танцевать, Дон Жуан уводит Церлину» [Моцарт, с.103].

⁵ К началу 1868 г. у Гончарова были готовы только три части романа «Художник Райский», о чтении которых автор упоминает в «Необыкновенной истории». Из письма к Стасюлевичу 6 (18) июня 1868 года становится ясно, что окончание третьей части соответствовало последней главе третьей части итоговой версии романа «Обрыв»: «...Я разобрал, наконец, и разложил по ящичкам свои тетради, листки, листочки, клочки и carnets и сунул их в нос. Потом прочел последние две главы, чтобы напомнить себе, где остановился (помните, выстрел и Марк)...» [Гончаров, 1980, т. 8, с.334].

Литература

- Гончаров И.А.* Собр. соч.: в 20 т. СПб., 1997.
- Гончаров И.А.* Собр. соч.: в 8 тт., М., 1977 – 1980.
- Гончаров И.А.* Софья Николаевна Беловодова: (Пять глав из романа «Эпизоды из жизни Райского») – Современник. 1860. № 2 // *Гончаров И.А.* Собр. соч.: в 20 т., т. 8, кн. 1. СПб., 2008.
- Гончаров И.А.* Портрет (Из романа «Эпизоды из жизни Райского») – Отечественные записки 1861. № 2. // *Гончаров И.А.* Собр. соч.: в 20 т., т. 8, кн. 1. СПб., 2008.
- Гончаров без глянца / сост., вступ. ст. П. Фокина. СПб., 2013. (Серия «Без глянца»).
- Гуськов С.Н.* Сувениры путешествия // Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 190-летию со дня рождения И.А. Гончарова. Ульяновск, 2003.
- Жан Бло* Иван Гончаров, или недостижимый реализм. СПб., 2004.
- Краснощечкова Е.А.* Иван Александрович Гончаров: Мир творчества. СПб., 1997.
- Мельник В.И.* Реализм И.А. Гончарова. Владивосток, 1985.
- Мельник В.И.* Гончаров. М., 2012.
- Молнар А.* Поэзия прозы в творчестве Гончарова. Ульяновск, 2012. *Моцарт В.А.* Дон Жуан. Либретто: Классические зарубежные оперы (либретто) / авт.-сост. А. Лидин. Ростов н/Д.; СПб., 2007.
- Недзведский В.А.* И.А. Гончаров – романист и художник. М., 1992.
- Отрадин М.В.* Проза И.А. Гончарова в литературном контексте. СПб., 1994.
- Пушкин А.С.* Каменный гость // Дон Жуан русский: антология / сост., предисл. и примеч. А.В.Парина. М., 2000.
- Старосельская Н.Д.* Роман И.А. Гончарова «Обрыв». М., 1990.

References

- Goncharov I.A. Sobr. soch.: v 20 t. SPb., 1997.
- Goncharov I.A. Sobr. soch.: v 8 t. M., 1977 – 1980.
- Goncharov I.A. Sof'ya Nikolaevna Belovodova: (Pyat' glav iz romana «Epizody iz zhizni Raiskogo») – Sovremennik. 1860. № 2 // Goncharov I.A. Sobr. soch.: v 20 t., t. 8, kn. 1. SPb., 2008. S. 5 – 50.
- Goncharov I.A. Portret: (Iz romana «Epizody iz zhizni Raiskogo») – Otechestvennye zapiski. 1861. № 2. // Goncharov I.A. Sobr. soch.: v 20 t., t. 8, kn. 1. SPb., 2008. S. 88 – 114.
- Goncharov bez glyantsa; [sost.,vstup.st. P. Fokina]. SPb., 2013. 319 s. – (Seriya «Bez glyantsa»).
- Gus'kov S.N. Suvenirny puteshestviya // Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 190-letiyu so dnya rozhdeniya I.A. Goncharova. Ul'yanovsk, 2003. s. 291 – 301.
- Zhan Blo Ivan Goncharov, ili nedostizhimyi realism. SPb., 2004.
- Krasnoshchekova E.A. Ivan Aleksandrovich Goncharov: Mir tvorchestva. SPb., 1997.
- Mel'nik V.I. Realizm I.A. Goncharova. Vladivostok, 1985. 139 s.
- Mel'nik V.I. Goncharov. M., 2012. 432 s.
- Molnar A. Poeziya prozy v tvorchestve Goncharova. Ul'yanovsk, 2012. 448 s.

Motsart V.A. Don Zhuan. Libretto / Klassicheskie zarubezhnye opery (libretto) / avt.-sost. A. Lidin. Rostov n/D.; SPb., 2007. 480 s.

Nedzvedskii V.A. I.A. Goncharov – romanist i khudozhnik. – M.: Izd-vo MGU, 1992. 176 s.

Otradin M.V. Proza I.A. Goncharova v literaturnom kontekste. SPb., 1994. 168 s.

Pushkin A.S. «Kamennyi gost'» / Don Zhuan russkii: Antologiya / Sost., predisl. i primech. A.V.Parina. M., 2000. 576 s.

Starosel'skaya N.D. Roman I.A. Goncharova «Obryv». M., 1990. –223 s.

Retsov V.V. (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation)

Ivan Ayanov as “Matchless Leporello” (Concerning the subject of Don Juan in I.A. Goncharov’s novel “The Precipice”)

On the basis of the analysis of the first journal publications “Sophia Nikolaevna Belovodova” (1860), “Portrait” (1861) and manuscript editions of the novel “The Precipice” by I.A. Goncharov, the article traces the development of image of I.I. Ayanov associated with the formation of the final novel writer Don Juan theme. In the result of the study, it was found that the Don Juan theme in the novel has undergone some transformation from virtually dashed references in journal publications, through the gradual inclusion in chapters manuscript editions of the first part of the novel, to turn it into one of the leading themes in the novel “The Precipice”.

Key words: *history of the novel “The Precipice”, Don Juan theme, image of I.I. Ayanov.*

Retsov Vasily Vyacheslavovitch - postgraduate student of Russian literature department of the Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication, Southern Federal University. E-mail: goustking@yandex.ru